

В Бэйчэне стояла глубокая зима. Город уже несколько раз укрывало снегом, сугробы налипли на ветви деревьев, а неоновые огни отражались в них холодным, призрачным светом. Черный Майбах, разрезая свистящий ветер, плавно катился по широкой эстакаде, оставляя позади остатки снега и льда.

Внутри салона горел мягкий свет, витал тонкий аромат, а тепло работающей печки создавало уют, разительно отличающийся от ледяного мира снаружи, где в вечернем платье с открытыми плечами можно было мгновенно замерзнуть.

Цзян Чжаосюэ сидела на заднем сиденье, слегка прислонившись к спинке, руки аккуратно сложены на коленях. Она смотрела в окно на стремительно удаляющиеся огни набережной Бэйчэна — воплощение достоинства и сдержанности. Рядом раздался спокойный, приятный женский голос. Собеседница бегло говорила по-английски, ее речь была размеренной и уверенной; судя по всему, она уточняла какие-то детали с человеком на другом конце провода.

Цзян Чжаосюэ видела в отражении стекла, как длинные, изящные пальцы Цэнь Лубай неспешно скользят по экрану планшета, а затем замерли в задумчивости.

В машине воцарилась тишина, затянувшаяся на несколько десятков секунд.

Цзян Чжаосюэ удержалась от того, чтобы повернуть голову. Холодный белый свет падал на профиль Цэнь Лубай, подчеркивая легкую улыбку на ее губах и едва уловимую, почти призрачную строгость во взгляде.

Цзян Чжаосюэ на мгновение замерла.

Цэнь Лубай была невероятно красива. Цзян Чжаосюэ еще не встречала человека, чья внешность была бы столь же гармоничной и приятной глазу. Ее брови, глаза, даже линия лба и волос — каждая деталь казалась выверенной искусным мастером. Это была не та красота, что ослепляет наповал, а та, что восхищает своей безупречностью: утонченная, элегантная, с легким восточным шармом, подобная скрытой в глубине жемчужине — яркой, но мягкой, к которой невозможно придраться.

Внутренне усмехнувшись, Цзян Чжаосюэ подумала, что характер Цэнь Лубай под стать ее внешности. Хотя, конечно, даже самый мягкий человек в работе неизбежно источает холод и дистанцию.

Цэнь Лубай, казалось, почувствовала на себе пристальный взгляд. Она слегка повернула голову, и их глаза встретились. В глубине ее взгляда еще теплилась не успевшая растаять отчужденность.

Не успела Цзян Чжаосюэ отреагировать, как уголки губ Цэнь Лубай дрогнули, словно весенний ветер, разгоняющий лед, и в ее спокойных глазах заиграли живые искорки.

Цзян Чжаосюэ опустила взгляд, вежливо улыбнулась в ответ и отвернулась к окну.

Цэнь Лубай посмотрела на нее, спустя несколько секунд отвела взгляд, коротко отдала последние распоряжения и завершила разговор.

— Прошу прощения, на работе возникли срочные дела, помешала тебе отдыхать, — произнесла она ровным тоном.

Цзян Чжаосюэ покачала головой:

— Ничего страшного.

— Опять я доставляю тебе неудобства, — Цэнь Лубай говорила прямо, не стесняясь присутствия водителя.

Цзян Чжаосюэ ответила вежливо:

— Вовсе нет, это часть моих обязанностей.

Они ехали на банкет в честь тридцатилетия кинокомпании Бэйна. Это было одно из ключевых подразделений корпорации Бай-На, основанной дедом Цэнь Лубай, Цэнь Хаоши. Восемь лет назад, когда компания оказалась на грани краха из-за ошибок младшего брата Цэнь Лубай, Цэнь Цяня, она приняла вызов, в одиночку провела крупнейшую в истории страны сделку по слиянию в сфере культуры и спасла компанию. С тех пор Бэйна вступила в новую эру — эру генерального директора Цэнь Лубай.

Сейчас тридцатидвухлетняя Цэнь Лубай была бесспорным лидером компании. И как ее супруга, Цзян Чжаосюэ должна была присутствовать на этом вечере, сопровождая жену в светских беседах. Это было само собой разумеющимся.

Вот только их брак не был обычным.

Прожив вместе больше года, они следовали духу контракта: помогали друг другу в случае необходимости, но не более того. Цэнь Лубай говорила, что доставляет Цзян Чжаосюэ неудобства, и это было правдой, но Цзян Чжаосюэ понимала, что это ее долг. Цэнь Лубай была вежлива, а Цзян Чжаосюэ ценила ее отношение.

До сегодняшнего дня они не виделись целую неделю — Цэнь Лубай была очень занята. Из вежливости Цзян Чжаосюэ проявила инициативу, поинтересовавшись ее делами. Цэнь Лубай, хоть и не была многословна, всегда оставалась отличным собеседником: отвечала на все вопросы, была искренней и простой в общении. Перебросившись парой дежурных фраз, они исчерпали запас светских любезностей, и Цзян Чжаосюэ тактично замолчала, а Цэнь Лубай по негласной договоренности не стала развивать тему.

В машине снова воцарилась тишина — сдержанная, но не неловкая.

В конце концов, они были знакомы достаточно давно. Несмотря на то, что они жили под одной крышей, из-за плотного графика Цэнь Лубай они виделись редко. Редкие моменты совместного времяпрепровождения всегда проходили в такой атмосфере, и Цзян Чжаосюэ привыкла к этому.

В сумочке завибрировал телефон. Цзян Чжаосюэ достала его: подруга Жун Чжи спрашивала: — Вы скоро? Тут уже прибыли важные гости, а я боюсь спрашивать саму госпожу Цэнь, вот и решила узнать у тебя.

Цзян Чжаосюэ улыбнулась. Чего там бояться?

Она подняла голову, чтобы сориентироваться, где они находятся, но не успела ничего понять, как услышала голос Цэнь Лубай:

— Мы почти приехали.

— Хорошо, — Цзян Чжаосюэ собралась, быстро напечатала ответ: скоро будем, убрала телефон и поправила прическу.

Действительно, через две минуты машина остановилась у ярко освещенного, роскошного отеля Бэйна Интернэшнл.

Снег все еще шел. Сотрудники, ожидавшие у входа, открыли дверь и раскрыли зонт над головой Цэнь Лубай.

Цэнь Лубай сделала шаг, и не успела ее туфля коснуться земли, как защелкали затворы камер журналистов. Цэнь Лубай была привычна к этому, она всегда держалась дружелюбно. Однако сегодня, встав на месте, она не стала, как обычно, кивать в сторону прессы, а обернулась и подождала Цзян Чжаосюэ у двери машины.

Журналисты невольно вытянули шеи, затаив дыхание.

Цзян Чжаосюэ уже больше года была погружена в этот блестящий мир, но каждый раз, оказываясь под прицелом камер, она глубоко вдыхала, собираясь с духом, чтобы не допустить оплошности и не навлечь неприятности на Цэнь Лубай.

Надев на лицо свою самую безупречную улыбку, она вышла из машины вслед за Цэнь Лубай.

Едва она успела встать рядом, как Цэнь Лубай взяла у подошедшего официанта легкую накидку и набросила ей на плечи.

Цзян Чжаосюэ подняла глаза. Цэнь Лубай посмотрела на нее мягким взглядом и тихо прошептала:

— На улице холодно.

Любой, кто видел эту сцену, решил бы, что перед ними пара, чьей любви можно только позавидовать. Журналистам не составило труда догадаться, что эта женщина — та самая супруга Цэнь Лубай, которая редко появлялась на публике, но о которой все отзывались как о достойной паре для столь выдающейся личности.

Звук затворов стал еще чаще.

Цзян Чжаосюэ знала, что Цэнь Лубай действительно была внимательна к деталям, но, не зная, было ли это игрой на публику или привычкой, машинально спросила:

— А как же ты?

На Цэнь Лубай было вечернее платье с открытыми плечами, и на улице было действительно холодно. Ее платье было лишь немногим сложнее, чем у Цзян Чжаосюэ.

Цэнь Лубай слегка улыбнулась, показывая, что с ней все в порядке.

— Смотри под ноги, — она взяла ее за руку и невозмутимо повела по красной дорожке сквозь строй журналистов.

Цзян Чжаосюэ больше не могла ни о чем думать, просто следуя за ее уверенным шагом в этот мир славы и богатства.

Слепящий свет, шум толпы — единственное, что она ясно ощущала, это тепло ладони Цэнь Лубай и ее размеренную поступь.

На сердце стало удивительно спокойно.

Они поднялись на лифте, и еще до входа в банкетный зал увидели Цэнь Яо, которая проверяла готовность площадки.

Цэнь Яо была младшей сестрой Цэнь Лубай. Увидев их, она просияла и поспешила навстречу:

— Сестра, невестка.

Цзян Чжаосюэ вежливо поздоровалась, а Цэнь Лубай спросила:

— Как внутри?

Цэнь Яо ответила:

— Господин Ван из Бода, господин Тао из Жаньвэнь, господин Шэнь из Кайюэ — все уже здесь. И еще... — она понизила голос, — не знаю, что за ветер их принес, но прибыл даже господин Цзюнь Минчжан, который редко появляется на публике.

Цэнь Лубай лишь коротко отозвалась:

— Тем лучше. Пойдемте. — Она повернулась к Цзян Чжаосюэ, спрашивая: — Официальная часть скоро начнется, побудь со мной рядом, пока я представлюсь нескольким гостям. Это не займет много времени, хорошо?

Цзян Чжаосюэ, конечно, понимала, что ей нужно делать. Она мягко кивнула, и Цэнь Лубай взяла со стола два бокала красного вина, один оставила себе, другой передала Цзян Чжаосюэ.

Цзян Чжаосюэ приняла бокал, и они, под приветственные возгласы гостей, направились к группе представителей компаний. Она слушала дежурные комплименты и рассуждения о бизнесе, в которых мало что понимала.

Она играла свою роль — улыбающегося украшения вечера.

К счастью, это длилось недолго. Представив ее нескольким людям, Цэнь Лубай нашла предлог, чтобы отпустить ее.

Цзян Чжаосюэ с облегчением выдохнула, сохраняя при этом безупречную осанку, и направилась в сторону угла, о котором писала Жун Чжи.

Жун Чжи была ее однокурсницей, они познакомились, когда та обратилась за помощью по историческим деталям сценария, и с тех пор дружили. Сегодня Жун Чжи была приглашена на вечер как партнер Бэйна по нескольким проектам.

Возле колонны, у столика с закусками, стояла Жун Чжи с копной пышных волос, сочетающая в себе дерзость и детскую непосредственность. Рядом с ней толпились молодые сценаристы.

— Госпожа Цзян! — Госпожа Цэнь! — Наставница Цзян! — слышались приветствия. Все наперебой говорили, что сегодня она выглядит еще прекраснее, чем обычно.

Цзян Чжаосюэ ответила каждому.

Жун Чжи привычно протянула ей напиток и с лукавой улыбкой спросила:

— Госпожа Цэнь наконец-то отпустила тебя?

Она знала об их истинных отношениях.

Цзян Чжаосюэ проигнорировала ее подколку:

— Почему ты здесь прячешься?

Разве ты не хвасталась, что раздашь сегодня кучу визиток и заведешь полезные знакомства?

Жун Чжи хихикнула:

— Я проголодалась, решила сначала перекусить.

Цзян Чжаосюэ улыбнулась про себя, не став ее разоблачать. В конце концов, подруга была слишком стеснительной. Она спросила:

— И что тут вкусного?

Цзян Чжаосюэ тоже почувствовала голод.

Жун Чжи тут же с энтузиазмом начала комментировать все пирожные на столе, а потом заботливо добавила:

— Только вот это не бери, там в составе молоко и фундук.

У Цзян Чжаосюэ была легкая аллергия на орехи и молоко, но не слишком серьезная.

Она взяла кусочек торта и спросила:

— Откуда ты знаешь?

Улыбка Жун Чжи стала многозначительной:

— А как же. Госпожа Цэнь поручила мне передать тебе, чтобы ты была осторожна.

Она намеренно растянула слово Госпожа Цэнь.

Все вокруг сразу поняли, о ком речь, и начали подшучивать.

Даже Цзян Чжаосюэ, несмотря на свое спокойствие, почувствовала, как к лицу приливает жар.

Она не знала, когда Цэнь Лубай успела об этом позаботиться — та никогда не упоминала об этом лично.

Цзян Чжаосюэ посмотрела вдаль, на центр зала, где Цэнь Лубай, сияющая, как луна, оживленно беседовала с мужчинами. Она невольно коснулась кольца на безымянном пальце.

Вдруг ей стало немного озорно.

Интересно, как удивятся все эти люди, когда через год, по истечении контракта, они объявят о разводе.

<http://bllate.org/book/18697/1807077>